Г.Х.Андерсен

Гадкий утенок

В чаще лопуха сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. Наконец яичные скорлупки затрещали. Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом.

— Ну что, все ли вы тут? — спросила мать. — Ах, нет, не все! Самое большое яйцо целёхонько! Когда же это кончится?

Но вот лопнуло и большое яйцо. «Пип! Пип!» — пропищал птенец и вывалился из яйца. Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его.

— Ужасно велик! И совсем не похож на остальных. Уж не индюшонок ли это?

На другой день погода стояла чудесная, и утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде. Утята тоже бултыхнулись в воду. Гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вот как он славно гребёт лапками! Нет, это мой собственный сын... Ну, живо, живо, мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе да берегитесь кошек.

Скоро добрались и до птичьего двора. Утята почувствовали себя как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры. А индийский петух надулся, и, словно корабль на всех парусах, налетел на утёнка и залопотал так сердито, что гребешок у него налился кровью. Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним!

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несчастный урод!», а мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видели!»

Наконец утёнок не выдержал, перебежал двор и — через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов. «Они испугались меня — такой я безобразный!» — подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше.

Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки и гуси. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно. Утром дикие утки поднялись из своих гнёзд и увидели нового товарища.

— Это что за птица?.. Ну и гадкий же ты! — сказали они.

«Пиф! Паф!» — раздалось вдруг над болотом, и два гусака упали в камыши мёртвыми. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон. По болоту бегали охотничьи собаки — шлёп, шлёп! Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утёнка, оскалила острые зубы и — шлёп, шлёп! — побежала дальше.

«Не тронула! — подумал утёнок и перевёл дух. — Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня!»

Наконец он осмелился встать, огляделся и пустился бежать...

К ночи он добежал до избушки. В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Утром чужого утёнка заметили. Старушка, по слепоте своей, приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Теперь у меня будут утиные яйца, — сказала старушка.

Но прошли три недели, а яиц всё не было.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила курица утёнка.

— Нет.

— Умеешь ты выгибать спину и мурлыкать? — спросил кот.

— Нет... Я думаю, мне лучше всего уйти отсюда куда глаза глядят!

— Ну и ступай себе! — ответила курица.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

Настала осень. Было очень холодно. Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер из-за леса поднялась целая стая чудесных больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда ещё не видел — все они были белые, как снег, с длинными гибкими шеями. Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утёнка охватило непонятное волнение. Он завертелся в воде, вытянул шею и тоже закричал так странно, что сам испугался. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете.

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать без отдыха, чтобы не дать воде замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Морозило так, что даже лёд потрескивал. Утёнок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, замер и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своим деревянным башмаком и отнёс полумёртвую птицу домой к жене.

Утёнка отогрели. Дети вздумали поиграть с ним, но ему показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха и попал прямо в подойник с молоком. Хозяйка вскрикнула и замахала руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. На что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами; дети бегали, сшибая друг друга с ног и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, — утёнок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежевыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утёнка в эту суровую зиму. Когда же солнышко пригрело землю, он лежал в болоте в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна.

Утёнок взмахнул крыльями и полетел — они быстро понесли его вперёд. Он очутился в большом саду. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из тростника выплыли три чудесных белых лебедя. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу к ним, к этим величественным птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур да терпеть холод и голод зимой!

Он опустил голову и поплыл навстречу прекрасным лебедям.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое отражение. Но теперь он был уж не гадким тёмносерым утёнком, а белым лебедем. Старые лебеди плавали вокруг него и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети и закричали:

— Новый! Новый прилетел! Новый лебедь лучше всех!

И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

Цена 26 коп.

АРТ. У — 085/2051

ФАБРИКА ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

г. Львов, Пекарская, 28.

Зак. № 1579 Тираж 100000

Областная типография Управления по печати Черновицкого облисполкома, г. Черновцы, ул. Щорса, 23